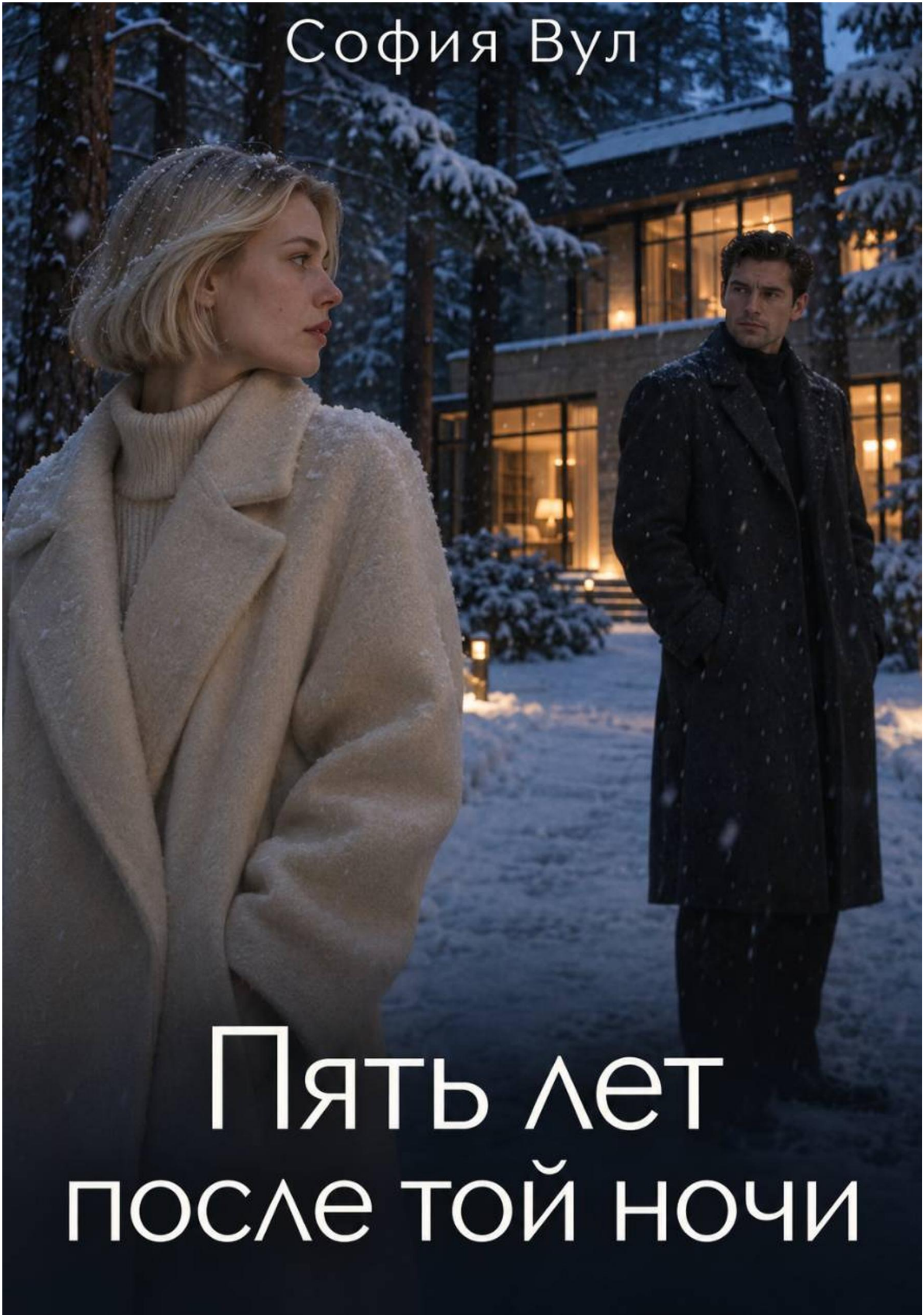

София Вул
Пять лет
после той ночи

София Вул

Пять лет после той ночи

«Автор»
2026

Вул С.

Пять лет после той ночи / С. Вул — «Автор», 2026

Пять лет назад Мария ушла на рассвете, так и не узнав имени мужчины, с которым провела ночь. Теперь она устраивается гувернанткой в дом в Серебряном Бору и узнаёт в хозяине, Андрее Соколове, того самого незнакомца. Он её не помнит — по крайней мере, так ей кажется. И чем ближе они становятся, тем труднее Марии скрывать, что случилось после той ночи.люб

© Вул С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

София Вул
Пять лет после той ночи

Глава 1

Голос его был все таким же низким, чарующим и придавал каждому слову какой-то особый смысл. Она чувствовала, как своими сильными, мускулистыми руками мужчина прижимает ее к себе. Мария не могла не почувствовать пламенную страсть, сжигающую его, и незаметно для себя ощутила, как в ней самой возникает ответное желание. Глубоко внутри ее существа возникла такая определенная, такая знакомая истома.

Это было так давно… так давно…

Она посмотрела ему в лицо и улыбнулась, но что-то было не так. Он изменился, словно превратившись в чужого, незнакомого человека, на лице которого играла недобрая улыбка: он явно не собирался позволить ей уйти. Прижатая к его телу, Мария не могла не почувствовать зов его плоти, ощутила, как его губы жадно прикоснулись к ее губам, и была словно парализована прикосновениями его рук к ее телу.

Где была ее девочка? Где находится она сама? Мария почувствовала, как на нее накатывается знакомый страх, и попыталась воспротивиться неизбежному — этот мужчина медленно подталкивал ее к кровати…

Ярко-голубые глаза Марии раскрылись от ужаса, и она вскрикнула. Собственный крик окончательно разбудил ее. Широко открытыми глазами она уставилась в потолок уютной спальни, окрашенной в розовые тона, она словно только что пережила удушье, и тело было покрыто влажной испариной.

Успокойся. Все в прошлом. Все ушло.

Мария села, чувствуя влажный жар своего тела, дрожащими руками провела по глазам, стараясь прогнать остатки разбудившего ее кошмара.

Почему всегда, когда она начинала выздоравливать и ощущать радость жизни, ей в голову лезут эти страшные сны? Мария откинула покрывало, поеживаясь от холода декабрьского утра, и сунула ноги в меховые тапочки. Вот и ее последняя опасная затея. Новое место. Другое начало. Всего их было семь, включая и это, после того, как умерла Катя.

Мария снова тяжело опустилась на край постели. Прошедшая ночь казалась полной кошмаров. Девушка еще неважно чувствовала себя, грипп свалил ее шесть дней тому назад, и его последствия еще давали себя знать. Мария понимала, что должна встать и одеться, но продолжала сидеть, бессмысленно глядя перед собой, вновь и вновь испытывая пережитый во сне ужас.

Ее руки сжались в кулачки, тонкие струйки слез побежали по щекам. Перестань! — приказала она себе. Прошло пять лет! Жизнь продолжается. Хватит терзаться прошлым!

Сделав глубокий вдох, она повернулась и бросила взгляд на часы у кровати. Почти половина десятого. Она давно должна была встать и одеться. Мария вскочила, ища глазами свой халат. Сегодняшний день должен был стать знаменательным. Разве Галина Петровна не говорила ей раз сто, что сегодня хозяин дома возвращается из своей командировки и что необходимо все привести в надлежащий порядок?

Мария попыталась вспомнить время его приезда: девять тридцать — мелькнуло у нее в голове…

Шум подъехавшей в этот момент автомашины заставил ее вздрогнуть. Отыскав свой халат в смятой куче постельного белья, свидетельствовавшей о том, что у нее была беспокойная ночь, Мария поспешно подошла к окну. За стеклом стояло хмурое серое утро. Мария

сохраняла еще надежду увидеть почтовый автомобиль. Но, увы, во внутренний двор величественно въезжал «роллс-ройс», сверкающий каждым дюймом своего отполированного до блеска новенького серого кузова. Мария нервно сунула руки в карманы халата: прибыл Андрей Соколов.

Шофер вышел из автомашины, почтительно обошел вокруг нее и открыл заднюю дверцу. Мария продолжала свои наблюдения. Она понимала, что должна как можно быстрее одеться, поскольку, как ее предупреждала Галина Петровна, Андрей Викторович страшно любит пунктуальность. «В первую очередь он захочет увидеть тебя». Однако она не могла оторваться от зрелища под окном… Она была слишком заинтригована: этот человек, который принял ее на работу всего три недели тому назад и которого она еще не видела, порождал в сердцах слуг чувство страха и благоговейного почтения. До нее доходили слухи о случаях увольнений без предварительного извещения, суровых выговорах за плохо выполненную работу. Однако люди, завоевавшие его доверие, — такие, как домоправительница Галина Петровна или старый садовник, — ни разу не сказали о нем дурного слова.

Дом Соколова стоял в Серебряном Бору, среди сосен. Андрей неспешно вылез из машины. Его вид не соответствовал тому образу, который у нее сложился на основе рассказов слуг. Смешно, подумала девушка, протирая запотевшее стекло и с трудом разглядывая сверху высокого, одетого в черное пальто человека. Она представляла себе Андрея Соколова человеком немолодым и весьма представительным и теперь испытывала — непонятно почему — чувство разочарования. Ее хозяин был молод, очень высок и плечист, его одежда была безукоризненна. Стремясь увидеть как можно больше, Мария так плотно прижалась к стеклу, что нос у нее расплющился. Как только Андрей Соколов вошел в дом, Мария прекратила свои наблюдения и бросилась в ванную комнату. Без тщательно уложенных белокурых волос и искусно сделанного макияжа она могла бы выглядеть немного простоватой, но это не имело значения — в конце концов, раньше Соколов ее не видел и не заметил бы разницы.

Мария натягивала джемпер яркого светло-вишневого цвета, когда послышался легкий стук в дверь.

— Минутку! — прокричала она. — Я сейчас оденусь. — Сквозь густую вязь свитера ей показалось, что дверь открылась, и когда она, наконец, натянула джемпер, то с испугом увидела, что была права.

— Полагаю, вам сообщили о моем желании встретиться с вами сразу по возвращении. Сейчас… — Соколов взглянул на дорогие золотые часы, — девять часов сорок минут, Мария Сергеевна, а вы еще не одеты!

Мария быстро одернула джемпер, чтобы прикрыть свои короткие кружевные трусики, в полном изумлении глядя на высокого, представительно одетого человека, стоявшего перед ней.

— Вы всегда вламываетесь без приглашения в спальню женщин? — импульсивно резко парировала она и несколько поздновато вспомнила, что стоящий перед ней мужчина был ее работодателем, к которому следовало относиться с почтением, независимо от того, заслуживал ли он этого.

— Жду вас внизу через пять минут, Мария Сергеевна! — бросил он, оставляя без внимания ее слова. — В противном случае считайте, что наш договор расторгнут!

Мария застыла с раскрытым ртом, наблюдая, как Соколов вышел из ее спальни, раздраженно хлопнув дверью. Высокомерный нахал! Она покачала головой, огорченная тем, что так нелепо прошла ее первая встреча с шефом. Неужели он всегда так груб и бесцеремонен? Ей вновь вспомнились многочисленные предупреждения, доведенные до ее сведения при найме. «Учтите, он не потерпит никаких глупостей! — любила повторять Галина Петровна, потом она уточнила свою характеристику: — Да, он просто создан для женщин!»

Возможно, поэтому он и вторгся в мою комнату, подумала Мария, рассчитывая застать меня в нижнем белье. Она осмотрелась, соображая, не увидел ли он больше того, что ему

положено. Слава богу, она не успела раздвинуть тяжелые узорные шторы на окне, и в помещении царил полумрак. С облегчением вздохнув, она подошла к окну и отвела плотную ткань, впустив в комнату тусклый свет декабрьского утра. Конечно же, Соколов не смог хорошенько рассмотреть ее, впрочем, и она увидела его лишь мельком, хотя и за эти секунды у нее сложилось самое неблагоприятное мнение о своем хозяине.

Мария не хотела раздражать его еще сильнее и постаралась спуститься вниз до истечения пяти минут. У нее не было и тени сомнения, что Андрей Соколов уволит ее немедленно, если она не выполнит его указаний и, как бы несимпатичен ни был ее работодатель, как бы ей ни хотелось послать его на все четыре стороны, Мария старалась заглушить в себе эти чувства: ее теперешняя должность была для нее жизненно важной — деньги утекли, как вода сквозь пальцы, и бросить сейчас работу, не зная, где найти другую, было бы весьма неразумно, кроме того, следовало подумать и о Максиме.

Когда Мария, спустившись вниз, спросила Галину Петровну, где можно найти Андрея Викторовича, на лице последней отразилось крайнее неодобрение.

— Он в библиотеке… — сказала она, слегка наклонив голову, — и я должна сказать вам, голубушка, что он не в восторге от вас. Вы забыли мои предупреждения.

— Я догадываюсь об этом, — ответила Мария. — А известно ли вам, что он только что практически ворвался в мою спальню?

— Ну, так что же, он не любит, когда поздно встают. Вы знаете, сколько сейчас времени? Почти десять часов! Разве я не предупреждала вас, что надо пораньше встать сегодня утром?

Мария не собиралась оправдываться перед домоправительницей: ей надлежало принести свои извинения только Андрею Викторовичу, и никому другому. Если она объяснит, что была больна, да еще улыбнется и проявит присущее ей обаяние, все встанет на свои места. Девушка заставила себя уверенно постучать в дверь библиотеки, пытаясь скрыть предательскую дрожь в груди и руках. Приглашения войти не последовало, и, постучав еще раз и помедлив несколько секунд, Мария осторожно открыла дверь и заглянула внутрь.

— Разве я пригласил вас войти? — раздался резкий голос из-за спинки повернутого к окну огромного, обитого черной кожей кресла, которое стояло перед соответствующим ему по размерам столом, отделанным кожей.

Мария растерялась: вернуться ли ей назад или оставаться там, где стояла.

— Я… я думала, что в комнате никого нет, — нервничая, пробормотала она первое, что пришло ей в голову.

— В таком случае, почему вошли?

Кресло медленно развернулось, и Марии, наконец, удалось рассмотреть своего работодателя. Он обладал сильным, тренированным телом, черные волосы были зачесаны назад, открывая высокий лоб. Одет он был в хорошо сшитый черный костюм, спортивную водолазку навыпуск, возможно, это свидетельствовало о нелюбви Соколова к условностям. Чувство, что он в любой момент может собраться для прыжка, делало его чем-то похожим на пантеру — безжалостную, бесстрашную и грозную. Марии была знакома каждая черточка его лица, которое она запомнила на всю жизнь.

— Что вы так пристально на меня смотрите, Мария Сергеевна? Хотите что-нибудь сказать?

Мария продолжала неотрывно смотреть на него, затем, спохватившись, что он о чем-то спросил ее, отвела взгляд от его лица и севшим голосом переспросила:

— Простите?..

Его глаза, такие темные и такие близкие, вновь со вниманием обратились на Марию, оценивая ее лицо и фигуру.

— Я спрашивал, не хотите ли вы о чем-нибудь спросить и есть ли у вас какие-нибудь затруднения, Мария Сергеевна? — неожиданно на его губах появилась любезная улыбка. — У

вас такое… ошеломленное выражение лица! Я надеюсь, что оно для вас нехарактерно, Мария Сергеевна!

Настойчивое повторение ее имени возымело желаемый эффект, выведя Марию из оцепенения.

— Извините, — тихо сказала она, приходя в себя и пытаясь заставить прошлое отступить перед настоящим. — Я думала, я… — девушка вновь замолчала, не в силах справиться с волнением.

— Вы бледны, Мария Сергеевна. Может быть, вы не вполне оправились от болезни? — В течение двух-трех долгих секунд он не спускал с нее своих черных глаз, внимательно всматриваясь в лицо Марии. — Мне сказали, у вас был грипп?

— Да, — ответила она.

— Вряд ли это лучшее начало для исполнения ваших обязанностей.

— Но разве я не могу заболеть гриппом?! — возразила Мария, взяв, наконец, себя в руки.

— Разве я сказал, что не можете? Я просто имел в виду, что это было неприятным событием, конечно, для вас в первую очередь. Надеюсь, Максим был изолирован на время вашей болезни, не так ли?

— Разумеется! Я давала ему задания, а Галина Петровна наблюдала за тем, как он их выполняет.

Мария опустила голову, не в состоянии смотреть ему в глаза. Видеть его так близко, всего в нескольких шагах от себя, было слишком тяжело для нее. Он не узнал ее! Любимец женщин! О, да! Таким он и был в действительности. Мария облизнула пересохшие губы, стараясь не вспоминать ту ночь пять лет назад. Она надеялась на несбыточное. Едва ли за прошедшие годы был хотя бы один день, когда она не вспоминала бы о нем. Этот человек увлек ее в море страсти, и Мария не могла простить этого себе и ему. Он перевернул всю ее душу, а она даже не знала до сегодняшнего дня его имени…

— Вы здесь находитесь немногим более трех недель, Мария Сергеевна. Как к вам относится Максим?

Мария напрягла все внимание, чтобы понять: что говорит этот черноволосый красивый мужчина, но напрасно. Покачав головой, она сделала вид, что не расслышала его.

Андрей Соколов утомленно вздохнул. Ясно, что ему все труднее удавалось сохранять терпение.

— Чего вы, по вашему мнению, достигли с Максимом? — спросил он медленно, с расстановкой, так, чтобы его вопрос был хорошо понят.

— Я… я думаю, что добилась некоторых успехов, — почти прошептала она после долгой паузы. — Максим… начинает слушаться меня… — Она остановилась и пожала плечами, замерев под его жестким, испытующим взглядом.

— Я полагаю, что вы были отобраны из числа многих высококвалифицированных кандидатов, — заметил Андрей Соколов резко. — Неужели вы не в состоянии дать более исчерпывающий ответ? Я рассчитывал на более содержательный разговор.

Мария поджала губы от его язвительного тона. Содержательный разговор! Только для того, чтобы просто стоять здесь, перед ним, нужны были все ее силы, понадобился весь ее разум для того, чтобы не закричать, что сам вид его ей ненавистен, чтобы заявить ему, что она вовсе не собирается докладывать ему об успехах Максима!

Дверь распахнулась, и язвительный ответ не успел слететь с губ Марии: в комнату вбежал Максим. Он как смерч пронесся по комнате и бросился в объятия Андрея Соколова. Мария наблюдала за ними, уверенная в реакции мужчины: наверняка холодная, бесчувственная и вежливая улыбка… Ведь это сдержанный, высокомерный человек! Холостяк, не имеющий никакого представления о том, как нужно обращаться с недавно осиротевшим ребенком. Бедный Максим, у которого такой опекун! Бедный, несчастный ребенок!

Однако Андрей поднял Максима, крепко обхватив своими сильными руками худощавое и слабое тело мальчика, и начал вращаться с ним на своем огромном кресле. Максим издал громкий вопль восхищения и попросил повторить все сначала, когда они остановились.

— Нет, хватит, Максим, по крайней мере, сейчас. Я должен поговорить с Марией Сергеевной, — твердо сказал Соколов. Казалось, его нисколько не смущало, что Мария является свидетелем проявления такой горячей эмоциональной вспышки. — Через пять минут я освобожусь, и мы с тобой чем-нибудь займемся, — добавил он, осторожно ставя мальчика на ноги. — Мы поиграем с тобой во что ты захочешь, хорошо?

— Мария Сергеевна сказала, что мы сможем сегодня пойти на прогулку в лес, — ответил Максим в радостном возбуждении. — Мы собираемся исследовать множество вещей. Ты пойдешь с нами? У меня есть дорожный ящик со специальной лупой для распознавания следов и записная книжка, правда, Мария Сергеевна? — Он обернулся к Марии, одаривая ее лучезарной улыбкой. Мария кивнула и сказала, что с радостью выполнит обещание. Перемена в настроении ребенка была удивительной, он выглядел более счастливым, чем когда-либо раньше.

— Ну, а ты пойдешь с нами? — спросил Максим, обращая свои глаза, полные беспокойства и надежды, к своему опекуну.

— Конечно, — без колебаний ответил Андрей. — А теперь беги, собирайся. Мария Сергеевна и я скоро зайдем за тобой.

— Ну что ж, все не так уж плохо, как можно было представить, — нарочито медленно произнес он, и на его губах заиграла несколько пренебрежительная улыбка. — Максим, кажется, привязался к вам, это говорит в вашу пользу. Обычно он трудно привыкает к новым людям, но ведь вам об этом говорили при найме?

— Да, меня посвятили в это, — холодно ответила Мария. — Хотя, по моему мнению, этих сведений было недостаточно для того, чтобы помочь ребенку…

— Вы получили сведения, которые, на мой взгляд, были для вас достаточны, — резко отрезал Соколов. — Разрешите мне напомнить вам, Мария Сергеевна, что вы находитесь здесь для того, чтобы наблюдать за учебными успехами Максима? О его эмоциональном комфорте позаботятся другие.

Такие, как вы? — подумала Мария. Бедный Максим!

Затем Андрей Соколов поднялся, прошел к двери и распахнул ее, давая понять, что допрос, выговор — называйте это, как хотите, — закончился.

— Начало было не очень впечатляющим, не правда ли, Мария Сергеевна? — коротко бросил он, загородив собой проем двери. Мария всмотрелась в его красивые черты лица, и ее пронзила неожиданная мысль. Почему он должен казаться таким загадочным? Преуспевающий бизнесмен, гражданин вселенной. Она отметила, что его нелицеприятные замечания были справедливы, а его непроницаемые глаза были темны, как ночь… Мария, не отрываясь, пристально рассматривала его, и Андрей Соколов почувствовал это: она отметила интерес в его глазах и в смущении поспешно отвела взгляд.

— Нет, не думаю.

— От своих служащих я жду большего, Мария Сергеевна, — сказал Соколов безжалостно. — Гораздо большего. Не заставляйте меня сожалеть о том, что я нанял вас.

Остаток этого дня прошел, как в тумане.

Мария старалась оправдать звание учительницы, прилагая все усилия, чтобы обращать внимание не на Андрея Соколова, а на Максима, постоянно что-то выдумывая, задавая ему вопросы и устраивая различные испытания. К вечеру она почувствовала, что полностью выдохлась, как умственно, так и физически.

Мария закрепила последний кусочек цветной бумаги на стене и, отойдя, полюбовалась получившейся картиной. С нее было достаточно. Ее голова устала, снова и снова отказываясь думать, сердце разрывалось, потому что, видя его перед собой, она вспоминала вновь ту ночь и… Катю. На ее глаза навертывались слезы, и она украдкой смахивала их рукой.

Напрягая усилия, она подумала, что картина получается хорошей — светлой и радостной. Комната начинала приобретать предновогодний вид. Максим будет рад увидеть на следующее утро результаты своих художественных усилий.

Мария расчесывала свои длинные, шелковистые, белокурые волосы, когда почувствовала тянущую боль в пояснице. Она оставалась в классной комнате так долго из упрямства: Максим был освобожден от занятий, чтобы побыть с Андреем, который кратко объявил девушке, что остаток дня она может провести по своему желанию.

Мария нагнулась и стала подбирать обрывки бумаги, разбросанные по всей комнате. Андрей, конечно, думал, что она укатит в своем ярко-желтом «мини» в город, где сможет развлечься. Вместо этого она осталась, закрылась в классной комнате и, помогая Максиму, напряженно обдумывала, что ей следует сделать, чтобы справиться с событиями, в центре которых неожиданно оказалась.

Сейчас ей хотелось бы уехать отсюда: сесть в машину, нажать стартер и укатить.

— Интересно, вы всегда работаете допоздна?

Голос, так неожиданно раздавшийся в тишине комнаты, низкий, несомненно принадлежавший Андрею Соколову, настолько напугал Марию, что она вздрогнула и инстинктивно прижала руку к сердцу, на долю секунды прикрыв глаза, она глубоко вздохнула, поднялась с пола и посмотрела в ту сторону, откуда раздался голос. На фоне яркого плаката, как неизвестно откуда появившийся призрак, в небрежной позе стоял Андрей Соколов, таинственный и чувственный, молча наблюдая за ней.

Мария нервно облизнула губы и с трудом проглотила слюну, чувствуя, как вспыхнули ее щеки и забилось сердце.

— Вы… испугали меня… — запинаясь, сказала она.

— Похоже на то, — отозвался он спокойно, но от этого ей не стало легче. — Примите мои извинения, — сказал он, изменив свою позу, в которой он наблюдал за ней бог знает сколько времени, и направился к девушке, бросая взгляды на стену, покрытую трогательно исполненными фигурами, которые изображали сцены Рождества Христова. — Выглядит хорошо, — произнес он, растягивая слова, — но не рановато ли это? Ведь сейчас еще только начало декабря.

— Я знаю, — ответила Мария, спокойно глядя на работы Максима. — Однако на все требуется время. Нам с Максимом нужно закончить эту работу к Рождеству. — Она отошла назад, сунула дрожавшие руки в карманы темно-зеленого передника, нервно комкая находившийся там платок. — Хотите верьте, хотите нет, но я люблю, чтобы все было сделано должным образом, — уверенно заявила она. — Никакой спешки, никакой ненужной суеты. К тому времени, когда придет Рождество, я хочу, чтобы Максим мог гордиться своей работой.

— И по праву: я никогда и не подозревал, что у него такие художественные способности. Очевидно, вы умеете выявить в нем все самое лучшее. — Соколов снова внимательно посмотрел на стену и прошелся по комнате, пристально осматривая ее. — Уже поздно, — тихо сказал он через некоторое время, бросив взгляд на свои золотые наручные часы. — Вы часто работаете здесь в это время? — сверкнули ровные белые зубы на его гладком загорелом лице. — Или же вы развили столь кипучую деятельность для того, чтобы загладить неудачный старт сегодня утром?

— Я всегда стараюсь как можно лучше выполнить свою работу, Андрей Викторович, — ответила она возможно холоднее, подчеркивая каждое слово, — что бы вы ни думали! Я провожу здесь большинство вечеров, готовясь к следующему дню. Я… — слова застряли у

девушки в горле, когда она подняла голову и увидела самодовольное выражение его лица. — Что вас особенно интересует, Андрей Викторович? Вы правы — сейчас поздно, а я довольно занята.

— Мне хотелось бы закончить разговор о мальчике, — сказал он. — Ваше утреннее заявление о его успехах достаточно поверхностно. Мне хотелось бы подробнее обсудить с вами проблемы его развития.

Мария наклонилась и стала горстями поднимать с пола разноцветные бумажки.

— Он делает успехи. Я очень довольна им.

— Вы хотите сказать, что никаких проблем нет? — черные глаза сузились.

Мария была в нерешительности, в памяти у нее пронеслись те дни, когда ей хотелось рвать на себе волосы из-за нелюдимости и непредсказуемости поведения Максима.

— Пока рано говорить о чем-либо, — сказала она, избегая недоверчивого взгляда его черных глаз. — Мальчик еще не пришел в себя после того, что ему пришлось пережить.

— Я должен услышать правду о нем, Мария Сергеевна, — отозвался Соколов сухо. — Я призван помочь Максиму, и мне необходим честный ответ.

— Это был честный ответ! — вспыхнула Мария. — Не в моих привычках говорить неправду о любом из моих учеников.

— Итак, вы считаете, что его поведение было образцовым? — спросил он неожиданно жестко. — И меня совсем не должны беспокоить инциденты, о которых рассказывала Галина Петровна, включая то, когда он выбросил из окна второго этажа стул, едва не угодивший в садовника, и когда по всей этой комнате была разлита голубая краска?! Галина Петровна неохотно сообщила мне об этом, но она понимает, что так лучше. Все же я опекун Максима. Он разлил краску нарочно? — настойчиво побивался Андрей. — Я слышал, что изрядная порция ее досталась вам. — Его глаза безжалостно пронзали ее. — Ведь так было дело?

— Нет, нет! Я уверена, что это случайность, — быстро ответила Мария, живо представив себе, какой беспорядок возник в комнате в результате этого происшествия. — Он вертелся с банкой в руках, и с нее как-то слетела крышка. Мы вымыли комнату, почистили мое платье и…

— Умолчание о плохом поведении Максима не принесет никому из нас пользы, Мария Сергеевна, — прервал ее резко Соколов. — Я должен быть полностью в курсе его дел, чтобы помочь ему.

Мария выбросила ненужную бумагу в корзину для мусора и подняла на него глаза.

— Я хочу быть справедливой, — заявила она. — Вам не следовало расспрашивать Галину Петровну, ее не было здесь, когда это произошло. Вам следовало сначала обратиться ко мне.

— Я здесь сейчас, но вы так и не ответили на мой вопрос, Мария Сергеевна! — парировал Соколов нетерпеливо. — Я хочу точно знать, как Максим вел себя в мое отсутствие? Были доведенные до моего сведения происшествия случайными или нет?

Лицо мужчины выражало такую требовательность, что Мария не смогла не признаться:

— Ну ладно… Максим был немного… — с ее языка чуть было не сорвалось слово «несносным», но оно звучало бы слишком резко, и девушка закончила, — неуправляемым. Однако, я уверена, — добавила она быстро, — что пройдет какое-то время, и в его характере произойдут перемены к лучшему.

— Будем надеяться. — В голосе Соколова продолжали звучать безжалостные нотки, но появились и какие-то новые интонации — усталости? Или уныния?

Мария наблюдала, как он непринужденно сел за один из рабочих столиков, с трудом втиснув свое большое тело в детскую мебель.

— А где сейчас Максим? — спросила она хрипловатым голосом, тщательно убирая комнату для игр мальчика и стараясь держаться подальше от находившегося здесь наедине с ней Андрея Соколова. Своим присутствием он пугал ее, одновременно вызывая предательские воспоминания в ее душе.

Андрей коснулся рукой своих курчавых черных волос и сказал:

— Ужинает на кухне. Вы забыли убрать здесь. — Он нагнулся и выгреб из-под стола кучку изрезанной бумаги, встал и вложил ее в руки Марии. На короткое мгновение его длинные загорелые пальцы коснулись ее руки — всего лишь легкое прикосновение, но этого оказалось достаточно. Достаточно, чтобы Мария отпрянула и отдернула руку, словно ее ужалили.

— Что случилось? — его черные глаза с беспокойством сузились. — Вы обо что-то порезались?

Мария покачала головой, стоя с полуоткрытым ртом и пытаясь найти подходящее объяснение своей внешне неадекватной реакции:

— Нет, нет… обо что-то укололась, — сказала девушка поспешно. — Края у бумаги очень острые. — Она спрятала руки в карманы передника и, избегая его вопрошающего взгляда, прошла к своему столу, укладывая в стопку учебники Максима. — Извините, но мне пора идти, — сказала она по возможности непринужденным голосом. Мария взглянула в окно классной комнаты — на улице был темный, холодный зимний вечер — и почувствовала острую тоску из-за невозможности бежать куда глаза глядят. — Если вы хотите более подробно поговорить об успехах Максима, то, вероятно, мы могли бы сделать это завтра утром. Инструктор по плаванию приезжает в девять часов. У нас будет время поговорить подробно.

— Я бы предпочел поговорить сегодня вечером, Мария Сергеевна. Завтра мне неудобно — у меня важная деловая встреча, которая займет большую половину дня. — Соколов говорил как хозяин, который не любит, чтобы за него организовывали расписание его дел. — Вы ужинали?

Мария с опаской взглянула на Андрея:

— Еще нет. Галина Петровна обещала подать ужин в мою комнату позднее.

— Понятно. Тогда мы побеседуем за ужином. Я пойду и скажу Галине Петровне, что обстоятельства изменились.

— Нет, нет! — не сдержалась Мария как раз в тот момент, когда Андрей Соколов открыл дверь. Он обернулся, удивленно подняв брови, и посмотрел на Марию с интересом, возбужденным ее отказом: большинство женщин ухватились бы за приглашение отужинать с таким мужчиной, как он. Миллионер в тридцать лет, как о нем говорила почтительным шепотом Галина Петровна, он был, вероятно, одним из наиболее завидных женихов в Москве, и, конечно, одним из самых красивых. О, да! Большинство женщин, но не Марию Лебедеву.

— Я очень устала и плохо себя чувствую, — сказала девушка.

— В таком случае, — заявил Соколов тоном, исключающим любые возражения, — я постараюсь сделать наш разговор как можно более необременительным. В восемь часов, Мария Сергеевна. — Он окинул ее столь пристальным взглядом, что Мария почувствовала себя обнаженной. — Рекомендую вам переодеться к ужину, — заявил он. — Тогда вы будете чувствовать себя уверенней. — С этими словами он вышел из комнаты.

Глава 2

Мария посмотрела на часы возле кровати. Римские цифры были хорошо видны в полуосвещенной комнате. Было ровно пять сорок пять.

Она вздохнула и вновь повернулась к окну, пристально всматриваясь в звезды. Два часа раздумий, воспоминаний и попыток найти выход из положения, в котором она оказалась. Это был кошмар. Только на этот раз ей не удастся проснуться — кошмар этот происходил в действительности, и Мария все еще не могла в это поверить. Он не узнал ее… Пять лет — это большой срок, и, конечно, Мария была тогда совершенно другим человеком, теперь непонятным для нее самой, теперешней.

Мария припомнила весь тот день до минуты. Ошибившись тогда, она круто изменила свою жизнь. Почему она тогда так близко приняла к сердцу язвительные слова своего сокурсника Николая? Он был просто красивым дураком, ловившим на свой крючок таких же тупоумных девиц. Увы, Марии потребовалось слишком много времени для того, чтобы понять это. А тогда ее шокировало, что Николай рассчитывал затащить ее в постель в первый же день их знакомства, и Мария отказала ему. Николай впустую крутился вокруг нее несколько дней, а на пятый заявил на всю столовую, что у Марии Лебедевой есть сексуальные проблемы, что она боится близости с мужчиной и вообще фригидна и бесчувственна, как пень. И это не было худшим, что он посмел заявить о ней во всеуслышание.

С того обеда внутри у девушки что-то оборвалось и умерло. Заявление молодого негодяя она приняла всерьез: Мария тогда была беззащитной и чрезмерно застенчивой, почти не имела друзей, каждое слово больно ранило ее, и у нее появились признаки депрессии. Ей помогла случайность.

Когда Женя, являвшаяся заводилой веселой и раскованной компании девушек, однажды вечером назвала Николая ползучей гадиной и посоветовала Марии выбросить все мысли о нем из головы, девушка вдруг поняла, что так оно и есть, и почувствовала, что гора свалилась с ее плеч. Девушки из этой компании помогли Марии растормозить какие-то центры в ее сознании и с веселым недоумением следили за превращением скромной, не по моде одетой Марии Лебедевой, не знавшей раньше, что такое косметика, в красотку, словно сошедшую со страниц модного журнала. Для Марии такое превращение свидетельствовало о выходе из глубочайшей депрессии, способности преобразиться из презираемой замарашки Золушки в прекрасную принцессу.

Однажды вечером, с выкрашенными в черный цвет волосами, одетая во взятое напрокат платье и даже под вымышленным именем Лада, Мария решилась посетить один довольно респектабельный ночной клуб, чтобы проверить себя в новом амплуа. Андрей Соколов пришел поздно, при виде его у нее перехватило дыхание.

К нему точно подходило определение: «человек золотой середины». Одетый в элегантный костюм, он был едва ли не на голову выше большинства присутствовавших и затмил всех остальных мужчин в зале.

Он обладал не поддающейся логическому объяснению притягательностью, Мария не могла оторвать от него глаз, просто не могла, казалось, что этого не могла сделать и большая часть находящихся в зале женщин. У него был большой выбор: несколько самоуверенных, шикарно одетых девиц безуспешно пытались завязать с ним разговор. Соколов сидел у бара со стаканом в руке, свысока наблюдая за мелькающими перед ним лицами и нарядами. А потом взгляд его темных загадочных глаз встретился со взглядом Марии. Маска томного равнодушия на его лице вдруг сменилась выражением глубокого интереса, и он улыбнулся ей пленительной улыбкой, Мария вдруг почувствовала, что медленно встает и непринужденно направляется к

нему нарочито медленной чувственной походкой, понимая, что все это игра, — такой потрясающий мужчина, как этот, вряд ли бы пожелал ее.

Однако он пожелал.

Мария чувствовала, что находится под гипнозом его черных загадочных глаз. Ей не верилось, что все происходит в действительности — она говорила с ним и непринужденно ему улыбалась. Женя и вся их компания с интересом наблюдали за тем, как девушка уселась на высокий стул рядом со Соколовым и согласилась на его предложение выпить.

— Почему бы нам не пойти куда-нибудь, где потише? — спросил, намеренно растягивая слова, Соколов после того, как Мария выпила два крепких фирменных коктейля. Обнимая Марию и прижимая ее к себе, он повел ее вокруг танцевальной площадки. — Расскажите мне о себе… — Однако девушка молчала, и весь их разговор ограничился этими двумя фразами.

Как только они переступили порог его шикарной квартиры в желтых и белых тонах, он начал раздевать ее. Все казалось неправдоподобным. Все эти годы Мария живо помнила ту глубокую чувственность, которую он разбудил в ней. «Фригидная» Мария Лебедева перестала существовать в тот момент, когда губы Соколова прикоснулись к ее коже, а руки — к телу. Он был уверен в себе, спокоен и овладел ею без всяких усилий. Он осторожно положил девушку на кровать, и простыни показались ей, разгоряченной, восхитительно прохладными. Мария почувствовала страх лишь в тот момент, когда он разделся перед ней. Но тогда Андрей, как будто почувствовав ее сомнения, склонился над ней и прошептал какие-то ласковые слова с такой искренней нежностью и стал так страстно покрывать тело Марии поцелуями, что все ее мимолетные сомнения рассеялись, она растаяла в его объятиях и полностью отдалась ему.

— Ты девушка?! — прозвучали недоверчивые слова в его слабо освещенной спальне. Мария закрыла глаза и прильнула к нему, радуясь, что утихла жгучая боль, и чувствуя, как слезы текут по ее щекам. Должно быть, он ощутил их соленый вкус и, отведя в сторону локоны волос, стал с безграничной нежностью целовать ее в мокрые щеки и глаза.

— Я причинил тебе боль. Прости меня, — хрипло шептал он.

Мария не могла говорить. Да и что можно было сказать? Так много чувств и мыслей обуревало ее! Ведь она позволила овладеть ею совершенно незнакомому мужчине…

Ей хотелось бежать, однако Соколов сжимал ее в объятиях так нежно, что ему без труда удалось удержать ее у себя, о чем Мария сейчас думала с благодарностью. Удивительно, но она заснула на какое-то время. Проснувшись глубокой ночью, Мария увидела рядом с собой Андрея, который, опершись на руку, смотрел на нее.

— Ты красивая.

Она знала, что не была ею. Но у него был такой глубокий, хрипловатый голос, который гипнотизировал ее настолько, что она была готова поверить всем его словам. Каждое его слово было пронизано чувством…

Оглядываясь назад, Мария удивлялась: как она могла быть столь наивной? Два слова, один поцелуй. Как она могла пасть из-за этого?

Соколов долго вглядывался ей в глаза, чтобы убедиться, что девушка верит в его искренность, его губы вновь прижались к ней с жаждой обладания, и он неторопливо и привычно показал Марии, каким потрясающим может быть секс.

Когда она проснулась на следующее утро, он уже ушел.

Мария знала, что в квартире никого нет, но продолжала бродить из комнаты в комнату в надежде увидеть его, в надежде отыскать какой-то знак, опровергающий ее самые худшие опасения.

Ничего. Никакой записки, никаких цветов на подушке, никакого кратенького послания, торопливо написанного твердой рукой, с просьбой дождаться его возвращения. Это было уже не кино, а реальная жизнь. Ее использовали и выбросили, и она должна уйти до того, как ее

унижение усугубится. Как в кошмарном сне, Мария оделась, испытывая одновременно страх и надежду, что он может войти в любую минуту. Больше ей оставаться здесь было нельзя, и она вышла, все было кончено…

Почувствовав прикосновение маленькой руки, Мария вздрогнула и сияющими глазами посмотрела на стоящего рядом, восхитительно беззащитного, одетого в полосатую пижаму Максима, который прижимал к груди побитого молью плюшевого медвежонка и разглядывал ее большими карими глазами.

Она глубоко, с облегчением вздохнула, улыбнулась и крепко обняла его, наслаждаясь теплом детского тела.

— Посмотри на звезды, Максим, — прошептала она, крепко прижимая его к себе, — как они прекрасны!

Малыш был сонным и задумчиво сосал большой палец. Девушка пригладила ему волосы. Так они молча сидели в комнате, залитой лунным светом.

Кате сейчас было бы около пяти… Кузина Максима… Мария закрыла глаза и крепко обняла мальчика. Она не должна думать об этом сейчас… Только не сейчас!

— Что он делает здесь? — голос Андрея прервал ее мысли. Мария оглянулась на дверь и вздрогнула от дурного предчувствия, увидев его крупную фигуру, казавшуюся почти зловещей в лунном свете.

Он подошел к дивану у окна и посмотрел на Максима. Угловатые черты его лица были наполовину скрыты в тени, однако инстинктивно Мария чувствовала, что он неприятно удивлен.

— Максиму пора быть в постели.

— Он… он только что зашел, чтобы пожелать мне спокойной ночи, — сказала она, взглянув на Максима, который уже безмятежно спал на ее диване, свернувшись, как очаровательный маленький щенок, не ведая о раздражении своего дядюшки.

— И часто он так поступает?

— Иногда бывает, — ответила Мария, не отводя глаз от окна. В полутьме она все равно не могла разглядеть его лица, все это так напомнило ту далекую ночь! Девушка с трудом проглотила слюну. — Разве это имеет какое-либо значение?

— Конечно, имеет! — отозвался тот, присев около Максима, и долго смотрел на спящего ребенка. — Я не одобряю этого. Вы его учительница, а не нянька! Давайте его мне, я отнесу его в постель.

— Нет! — Мария крепко держала малыша, словно защищая его теплое тельце. — Я сама отнесу его. — Она попыталась встать с дивана, но Максим лежал очень неудобно, и она поняла, что у нее ничего не получится.

— Позвольте мне, — наклонился к ним Андрей Соколов, и Мария окаменела, почувствовав прикосновение его рук.

— Надеюсь, вы не собираетесь ужинать в этом платье? — спросил он, не спеша возвращаясь в комнату, после того, как отнес Максима в его спальню. В голосе Соколова сквозило удивление и легкое презрение. Было уже восемь часов, и он был одет к ужину. Мария отметила его костюм от «Армани» и почувствовала освежающий запах одеколона. Взглянув на теплый шерстяной халат, который был на ней, она уловила бросающийся в глаза контраст в их одежде.

— Я совсем не собираюсь спускаться вниз! — холодно заявила Мария, встала с дивана у окна, и, как бы защищаясь, обхватила себя за талию. — Я очень устала и хочу спать.

— Но вы, вероятно, также хотите остаться работать? Пожалуйста, больше никаких отговорок, Мария Сергеевна! Я начинаю чувствовать, как будто я в чем-то виноват перед вами. — Он близко подошел к ней, внимательно всматриваясь в тонкие черты ее лица удивленными и несколько ироническими глазами. — В чем дело?

Мария нервно облизнула пересохшие губы. У него не изменились ни осанка, ни невероятная мужская напористость.

— Я… я не знаю, что вы имеете в виду, — произнесла она слабым голосом.

— А мне кажется, что прекрасно знаете, — протянул Соколов, небрежно засовывая руки в карманы. — Смотрите: как только я подхожу к вам, вы сразу отпрыгиваете от меня на целую милю. Вот я приближаюсь к вам, скажем вот так, — мы почти касаемся друг друга… Видите? — Его черные брови задорно поднялись, когда девушка сделала шаг назад. — Замечательно!

— Андрей Викторович… — Мария постаралась придать своему тону как можно больше холодности. — Не соблаговолите ли вы покинуть мою спальню?

— Я хочу, чтобы вы отужинали со мной сегодня. — Он сделал шаг вперед, а Мария шаг назад, оказавшись у самой стены. — Соглашайтесь, — прошептал он предостерегающе. — Делайте, что я говорю, Мария Сергеевна, я не привык, чтобы мне не подчинялись.

Его глаза гипнотизировали ее. Мария судорожно глотнула воздух, чувствуя, что начинает задыхаться. Предательские сцены далекого прошлого ярко вспыхнули в ее сознании — его крепкое мускулистое тело, сплетенное с ее телом, взгляд, выражающий страстное желание, который так быстро сломил ее сопротивление… Неожиданно для себя девушка рассердилась: как он может стоять перед ней, играя в такую чертовски опасную игру? Она взмахнула рукой, почувствовав непреодолимое желание стереть с его лица выражение самоуверенности, однако Андрей оказался значительно проворнее ее. Его пальцы охватили ее поднятую руку, как несколько змеек, настигающих свою жертву.

— Интересно, — протянул он. — Ну и нрав! Кто бы мог подумать!

— Отпустите меня! — крикнула Мария. — Не смейте прикасаться ко мне!

— Вы часто прибегаете к физическому воздействию, Мария Сергеевна? И всегда ли вы так злитесь из-за пустяков?

Пальцы на свободной руке Марии сжались в кулак. Злиться из-за пустяков? Она была взбешена. Она позволила этому высокомерному человеку пять лет назад поступить с ней так, как он хотел. А после этого она страдала в течение нескольких месяцев, нет — лет! Тот незабываемый день, когда она поняла, что носит в себе его ребенка, был ужасным. Слепой страх владел ею в течение многих недель, а потом, когда беременность стало трудно скрывать, — расспросы, бесконечное молчание, поскольку она отказывалась говорить родителям, кто был отцом ребенка. Черт побери! Она и сама этого не знала! Она даже не знала, как его зовут и кто он по профессии. Но даже если бы она все знала об этом человеке, ничто на свете не заставило бы ее найти его, рассказать… Жизнь играла с ней в жестокие игры, новая встреча с ним только подтверждала это.

— Вы не можете силой заставить меня ужинать с вами, — твердо сказала Мария.

— Не смогу? — переспросил он. — Давайте попробуем поставить вопрос таким образом. Если вы не спуститесь к ужину, скажем… — он взглянул на светящийся циферблат своих наручных часов, который был ясно виден при лунном свете, — к девяти часам, я сделаю вывод, что вы не заинтересованы в благополучии Максима и поэтому не подходите для работы гувернанткой.

— И вы уволите меня? — спросила она с большим недоверием.

— У меня высокие требования, Мария Сергеевна. Если вы не соответствуете им, то это ваши трудности, но не мои.

Мария высвободилась, глубоко вздохнула и с каменным лицом, глядя прямо ему в глаза, сказала:

— Я… я буду готова через десять минут.

Соколов освободил ее руку и с выражением удовлетворенности на лице мягко распорядился:

— Давайте через пять минут, и я прощу вас за попытку применить ко мне физическое насилие.

Когда он вышел из ее спальни, закрыв за собой дверь, Мария стала в каком-то оцепенении одеваться в первый попавшийся под руку костюм — черные бархатные брюки и длинную свободную блузу из того же материала, ее выбор отвечал нескольким требованиям: материал был толстым, покрой скрадывал ее фигуру, закрывая почти все тело. К сожалению, он был слишком элегантен, и в нем Мария выглядела более привлекательной, чем ей хотелось бы, но выбора не было.

Мария сидела за туалетным столиком и пристально всматривалась в свое отражение в зеркале. Сегодня она заявит об уходе: ничего другого ей не остается. Дальнейшее пребывание здесь было бы самоистязанием и глупостью. Дрожащими руками она наложила косметику, перехватила длинные белокурые волосы на затылке шелковым бантом. Ей бы хотелось спрятаться ото всех, отсидеться где-нибудь, пока не окончится Рождество. Но где? И на что жить?!

Мария решительно встала: сначала нужно уволиться, а потом уже думать о хлебе насущном. Проходя мимо комнаты Максима, она услышала из-за двери детский голос:

— Мария Сергеевна!

Мария в нерешительности остановилась, затем вошла:

— Что случилось, Максим?

Мальчик лежал, свернувшись калачиком под французским пуховым одеялом, из-под которого при красном свете ночника было видно только его маленькое круглое лицо.

— А мы сможем завтра опять пойти по охотничьим тропам в лесу?

Девушка склонилась над ним и погладила копну его белокурых волос.

— Не знаю, — проговорила она. — Мы должны сначала узнать, какие планы у твоего дяди.

— Он не сможет быть с нами завтра, — с сожалением в голосе сказал Максим, — он должен куда-то уехать!

Мария постаралась скрыть свою досаду. Его не было целых три недели, а сейчас он снова собирается куда-то ехать! Она улыбнулась, взъерошила волосы Максима и кивнула головой в знак согласия:

— Хорошо, тогда мы сможем пойти. — Она выпрямилась и строго сказала: — А теперь закрывай глаза и спи, уже очень поздно.

— Мария Сергеевна!

— Да, Максим?

— Так хорошо, что вы здесь…

Мария задержалась в дверях и на секунду прикрыла глаза, пытаясь проглотить комок в горле:

— Мне очень приятно, Максим. Спасибо тебе! — Она осторожно закрыла за собой дверь и прислонилась к стене в коридоре, в отчаянии закрыв глаза. Может быть, стоит сначала хорошенько подумать, прежде чем уйти? Или увольняться немедленно, как она и задумала, заставив себя забыть о том, что это может отразиться на жизни Максима и причинить ему боль?

Когда наконец Мария неуверенно вошла в богато украшенную гостиную, она была в полном смятении. Что делать? Остаться или уволиться? Подумать о собственном душевном покое или о благополучии Максима? Мария была нужна ему, у нее не было никаких сомнений. За те три недели, что она проработала здесь, мальчик заметно изменился.

— Вы, кажется, хотите, чтобы я всегда был недоволен вами, Мария Сергеевна! — заметил Андрей Соколов, многозначительно посмотрев на свои часы. — Вы вновь опоздали!

— Я заглянула к Максиму, он еще не спит.

— Вам следовало позвать Галину Петровну, она бы за ним присмотрела.

— Но он хотел, чтобы пришла я!

Андрей направился в угол комнаты, где на подносе стояли бутылки вина, и стал его разливать по бокалам.

— Мне кажется, вы не вполне ясно понимаете свои обязанности, — отозвался он ровным голосом. — Вы преподавательница Максима, не более. Вас наняли для того, чтобы вы следили за его общим развитием до тех пор, пока он начнет посещать школу.

Соколов подал Марии высокий стакан и отпил глоток янтарной жидкости из своего.

— Эмоций не требуется. Ясно?

Мария тоже отпила немного вина. Оно было холодным, терпким и освежающим, но не могло подавить возмущения, поднимавшегося в ней все сильнее.

— Извините, Андрей Викторович, — сказала она твердо. — В отличие от некоторых я не могу включать и выключать свои эмоции. Между Максимом и мной возник определенный контакт. Мы нравимся друг другу. — Она решительно подняла голову и бросила на него презрительный взгляд. — Возможно, вам трудно понять такие простые, человеческие отношения, но…

— Что вы имеете в виду? — спросил он низким голосом, в котором сквозила угроза. Мария приняла это как предупреждение и заставила себя отступить. Она покачала головой и, овладев своими чувствами, тихо ответила:

— Я не могу измениться в соответствии с вашими желаниями. То, что Максим так продвинулся в занятиях после моего появления здесь, доказывает, что моя методика действенна.

— А когда вы уедете, что тогда? — жестко и требовательно спросил Андрей. — Позволить Максиму привязаться к вам, учитывая, что вы наняты мной лишь на время, для исполнения определенных обязанностей…

— Как вы можете быть таким безжалостным? — выдохнула Мария. — Бедный ребенок потерял все!

— Я хорошо знаю, каково сейчас Максиму! — раздраженно возразил Андрей. — Его матерью была моя младшая сестра, а его отцом был мой партнер по бизнесу. Когда их изуродованные тела были извлечены из-под обломков автомобиля, именно мне пришлось опознавать их…

Мария была потрясена, она молча посмотрела на свои руки и пробормотала:

— Извините меня…

— За что? — спросил он. — За их смерть? Поберегите свои симпатии, Мария Сергеевна. Это был несчастный случай. Жизнь продолжается! — Он открыл двухстворчатые дубовые двери, которые вели в столовую. — А теперь давайте поедим, а вы расскажете об успехах Максима.

Кушанья были восхитительны, но Мария смогла проглотить лишь несколько кусочков. Она рассеянно потыкала вилкой в сочный бифштекс на тарелке и откинулась на спинку стула.

— Вы не голодны?

Девушка подняла голову и встретила изучающий взгляд его черных глаз.

— Нет, не очень.

— Сегодня я ознакомился с вашей биографией, — сообщил ей Андрей, поднося к губам стакан вина. — У вас прекрасная подготовка.

Мария позволила себе подтвердить это кивком головы.

— Безусловно, вам пришлось нелегко!

— Вы хотите сказать, что я не поднимала головы от учебников, — вспыхнула Мария. — Слишком трудно поверить, что у меня неплохая голова и что я получила степень благодаря своим способностям!

— Разве я сказал это? — мягко заметил он.

— А вам не нужно было делать этого, — коротко отозвалась Мария, — у вас все было ясно написано на лице!

— Я полагаю, что вы сразу же согласились на последнюю должность, ведь это краткосрочный контракт, — сказал Соколов, оставив ее слова без внимания. — Я прав, не так ли?

— Да, вы правы, — ответила Мария, беспокойно ерзая на стуле.

— Похоже, вам нравится менять места работы. За последние пять лет вы семь раз меняли работу!

— Да, это так, — почти дерзко отозвалась Мария. — Мне быстро надоедает. Обо всем этом шла речь на собеседовании со мной. Ваш личный помощник выслушал мои доводы и согласился с ними.

— У вас нет семьи, нет никаких привязанностей?

— Никаких. Родители мои умерли… Послушайте! — поспешно добавила Мария. — Мне кажется, что мы собирались поговорить о Максиме.

— Так оно и есть. Но сначала мне хотелось бы узнать побольше о вас. — Андрей откинулся в кресле, и его губы искривила насмешливая улыбка: — Скажем так: меня интересуют несколько моментов. Я полностью доверяю своей помощнице, но мне самому хотелось бы задать вам несколько вопросов.

Мария вздрогнула при этих словах, а сердце ее громко и учащенно забилось под бархатной туникой. Она нервно проглотила слюну, взяла салфетку и крепко сжала ее в руке.

— Я не хочу подвергаться допросу, Андрей Викторович, — сказала она дрогнувшим голосом. — Моя личная жизнь касается только меня!

— Допрос? — Соколов бросил на нее насмешливый и недоверчивый взгляд.

— По крайней мере, мне так показалось! — заявила Мария, вспыхнув под его вопросительным взглядом.

— Я полагал, что у нас будет непринужденная беседа, — резко сказал Андрей Соколов. — Не помню, чтобы я говорил о том, что хочу задать вопросы о вашей личной жизни!

— Не хотели?

— Конечно, нет! — добавил Андрей раздраженно. — Но сейчас вам удалось пробудить во мне интерес. По своему опыту я знаю, что тот, кто, как вы, резко реагирует на невинные вопросы, обычно хочет что-то скрыть. — Он поставил стакан на полированный стол красного дерева, оперся подбородком на руки и уставился на нее своими блестящими глазами. — Какие у вас могут быть тайны, интересно мне знать?

Своими словами он ранил Марию в самую душу, не догадываясь об этом, но выносить это было свыше ее сил.

— С меня хватит! — заявила она, отодвигая свой стул и вставая. — Вы, вероятно, считаете все это очень забавным… — Девушка почувствовала, что сейчас расплачется: слезы уже готовы были покатиться по ее щекам. Она должна была уйти от него, иначе…

— Послушайте! — воскликнул Соколов, с добродушным удивлением глядя на Марию и загораживая выход. — Не волнуйтесь вы так!

— Не трогайте меня! — крикнула девушка, вся сжавшись, когда его руки коснулись ее плеч. — Пустите!

— Вы плачете? Но в чем дело? — спросил Андрей настойчиво, взяв ее за подбородок сильными пальцами.

— Пожалуйста! — она попыталась вывернуться из его рук, избегая взгляда черных незабываемых глаз.

— Мария, я не выпущу вас из этой комнаты, пока вы мне не скажете, что случилось!

Впервые он назвал ее по имени, а не официально. В его устах оно звучало божественно.

— Ради бога, вам не о чем плакать! — Она отметила внезапную перемену его тона, легкую хрипотцу в голосе, в то время как слезы неудержимо катились по ее щекам. Дрожь от его прикосновения. Нежная рука, ласково отведшая шелковистую прядь ее золотых волос. — Или есть о чем?

Мария проглотила слезы и глубоко вздохнула, закрыв глаза. Она вздрагивала от каждого его прикосновения, которые становились все более настойчивыми и продолжительными, возбуждая в ней чувственное влечение к нему, еще сохранившееся в глубине ее существа. Его ласки разбудили в ней давно забытые желания, мысль о возможности тяготения к мужчине. Так много прошло времени с тех пор, когда она позволила Андрею обладать собой, вступить с ней в интимные отношения!.. Почувствовав все это в своей душе, девушка резко отстранилась от него, напуганная своей внезапной ответной реакцией.

— Я не могу оставаться! — вне себя выкрикнула она, изо всех сил колотя кулачками по его широкой груди, в тщетной попытке заставить сдвинуться с места. — Позвольте мне пройти! — уже молила она его с просьбой в глазах.

Андрей задумчиво разглядывал ее.

— Чего же я не учел? — спросил он себя с просыпающимся интересом. — Только что мы сидели за ужином и вели спокойную беседу, а теперь вы на грани истерики. Что с вами случилось, Мария Сергеевна? Ради бога, успокойтесь! — Он поднял руку и смахнул текущие по ее щекам слезы, наблюдая за девушкой недоуменным взглядом, Мария резко отстранила лицо. — Расскажите же мне!

— Ничего, ничего я вам не расскажу! — почти во весь голос закричала Мария. — Вы серьезно думаете, что я буду исповедоваться перед таким человеком, как вы? Дайте мне пройти, черт вас возьми! Пустите же меня!..

Его губы коснулись ее губ, не дав ей даже закончить фразу. Никакой другой мужчина в целом свете не смог бы с такой мягкостью погасить ее гнев своим поцелуем, молнией пронеслось в голове Марии, но Андрей Соколов и не был похож на других мужчин. Своим поцелуем он пробудил страсть в ее душе и обжег ее, оглушил и полностью подчинил себе. Андрей все крепче прижимал девушку к себе, пока она не ощутила бедрами его возбужденное тело.

Прошла долгая, холодная зима ее жизни, пять лет тянулись для Марии как столетие. До нее вдруг дошло, что все эти годы она находилась в беспробудной душевной спячке, и вот один его поцелуй, одно прикосновение — и ее душа оттаяла, а чувства пробудились. Вот что он мог делать с ней! Секунды полного безумия, когда он продолжал обнимать ее, а его губы не отпускали ее губ, показались девушке бесконечными.

Как она могла выдать себя? Как она могла?! Мария высвободилась от его губ, как-то удержалась на трясущихся ногах и вымолвила осевшим голосом:

— Я увольняюсь! Вы слышите меня, я увольняюсь! — Она ухватилась за ручку двери и, повернувшись, с яростью посмотрела на Соколова, ненавидя его еще больше за то, что тот оставался недвижим, спокоен и сдержан.

— Я не принимаю вашего заявления, — сказал он, растягивая слова и медленно проходя вслед за ней в холл. — Успокойтесь! Нет никаких причин для столь бурной реакции!

— Не смейте относиться ко мне свысока! — остановилась на секунду Мария, ступив одной ногой на лестницу. Ее всю трясло, как лист, до глубины души она была охвачена возмущением. — Вы рассчитываете, что я буду работать у человека, подобного вам? Первое, что я сделаю утром — уложу вещи и уеду! Поверьте мне, если бы у меня было место, куда бы я могла уехать…

— Почему бы мне не согласиться с таким простым решением, если оно успокоит вас? — легкомысленное выражение исчезло с его лица. Мария видела, как заиграли на его щеках желваки, и поняла, что перешла роковую черту.

— Хорошо! Я уйду сегодня же вечером! — вспыхнула она. — Я переночую в машине — хоть как-нибудь, поскольку не могу больше ни секунды оставаться в вашей компании!

— Нет! Нет! Я не хочу, чтобы вы уходили! — слабый плач донесся с верхних ступенек лестницы. Мария взглянула вверх, и ее сердце упало. Там стоял потрясенный Максим, крепко прижимая к себе плюшевого медвежонка, с широко округлившимися от страдания глазами.

Сколько времени он находился там? Как долго слышал эти непонятные до конца им самим пререкания? О, нет!

Мальчик очертя голову бросился вниз, громко шлепая по ступенькам.

— Андрей, не разрешай ей уйти! — плакал он. — Мария Сергеевна мой друг! Мы с ней делаем вместе много хороших вещей! Она не может уйти! Не может!

— Максим, если Мария Сергеевна желает уйти, то мы вряд ли можем что-либо… — начал Андрей.

Все произошло неожиданно быстро. Максим издал отчаянный крик и, протянув руки вперед, бросился вниз по лестнице. Он налетел на Андрея с кулаками, нанося удары руками и ногами с поразительной яростью.

— Ты не должен разрешать ей уходить! Ты не должен плохо обращаться с ней! Я люблю ее! Она мой друг!

Он был как одержимый. Андрей стоял неподвижно, осторожно отводя его пинки и удары кулачками и удерживая мальчика на минимальном расстоянии от себя. Мария в ужасе смотрела на все это, не зная, как ей поступить.

— Прекрати, Максим! — наконец взмолилась она, увидев, что мальчик бьется в истерике. — Нельзя так вести себя! — Она приблизилась к нему, мельком взглянув на Андрея глазами, в которых застыла боль. — Максим! Максим! Прошу тебя! Я остаюсь! Я все сделаю, только прекрати сейчас же!

— Хватит, Максим! — прозвучал, как команда, глубокий голос Андрея, перекрывая вопли Максима. — Ты ведешь себя очень глупо. — С этими словами он схватил мальчика обеими руками и высоко поднял так, чтобы удары Максима не доставали его. — Ты слышал, Максим? Теперь успокойся!

— Но я не хочу, чтобы Мария Сергеевна уходила, — вопил Максим. — Не хочу!

— Успокойся. Мария Сергеевна сказала, что не собирается никуда уходить, — твердо заявил Андрей.

— А… а ты уверен? — вспышка раздражения Максима прошла так же быстро, как и началась. — Правда? — всхлипнул он. — Мария Сергеевна не уходит?

Андрей повернулся так, чтобы Максим мог видеть Марию, стоявшую у него за спиной.

— Спроси у нее сам, если мне не веришь.

Девушка сделала шаг, чтобы Максим мог ее увидеть, заметила, как Андрей сурово кивнул ей, и положила свою нежную руку на руку Максима. Она почувствовала комок в горле при виде его покрасневшего личика и наполненных слезами глаз и тотчас же с трудом проговорила:

— Максим… — Мария проглотила комок в горле и глубоко вздохнула. Увидев потрясенное лицо мальчика, она поняла, что не сможет оставить его. — Нет, конечно, я не уйду, — заверила она его. — Я очень рассердилась, мы поспорили с твоим дядей, и я наговорила такого, чего не должна была говорить. Я сама во всем виновата!

Мария посмотрела в темные глаза Андрея и попыталась понять их выражение, но тщетно.

— Я вела себя очень глупо, — повторила она, снова обратив взгляд на Максима и мягко гладя его нежные щеки. — За время, оставшееся до Рождества, я постараюсь, чтобы ты простил меня. Мы будем играть в разные игры и заниматься другими интереснейшими вещами. — Она беспомощно перевела свой взгляд на Андрея Соколова.

— А теперь, Максим, иди и выпей холодного молока. Почувствуешь себя лучше. — Голос у него был хриплый. Жестко взглянув на Марию, он понес мальчика в сторону кухни.

Глядя им вслед, она с нестерпимой болью почувствовала, что никому не нужна. Волна одиночества захлестнула ее, и она на минуту в отчаянии закрыла глаза. Итак, подумала Мария, я остаюсь. Это неизбежно! Это моя тюрьма. Как я справлюсь со всем этим?

Глава 3

Было за полночь. Мария в нерешительности стояла у дверей спальни Максима. Она безуспешно пыталась заснуть, но так и не смогла. События минувшего вечера тяжелым камнем лежали у нее на сердце.

Она тихонько постучала, потом открыла дверь. Ей бы только один раз взглянуть на мальчика, просто чтобы приободрить себя, и сразу стало бы легче.

У кровати Максима в небрежной позе развалился в кресле Андрей. Его пиджак был перекинут через спинку, рукава рубашки закатаны, узел галстука распущен. В руке он держал стакан.

— Я… Я просто хотела взглянуть на него, — поспешно объяснила Мария, увидев удивленно поднятые черные брови Соколова. — Я никак не могла заснуть. — Она всмотрелась в безмятежное лицо спящего ребенка и почувствовала большое облегчение, когда Максим шевельнулся во сне и на миг открыл глаза.

— С ним все в порядке, — сказал Андрей. — Но я боюсь, что ему снятся плохие сны. Поэтому он спит беспокойно.

Мария тихо выдохнула:

— Если бы только он…

— …Не видел, как вы бранились и бушевали? — саркастически спросил он. — Извините меня, — добавил он резко, поднимая руки в знак извинения. — Простите, я не хотел этого говорить. Мы оба виноваты в том, что оказались немного несдержанны. — Он провел рукой по густой шевелюре. — Я просто очень устал. — Он посмотрел на мальчика и отпил большой глоток из стакана.

— Вчера рано утром я прилетел из Владивостока, надеясь провести сравнительно спокойный день, а столкнулся с…

— …Гувернанткой-истеричкой? — прервала его Мария.

— Это сказали вы, — пожал плечами Андрей, пристально глядя на нее своими темными непроницаемыми глазами.

— Вы отсутствовали так долго, — заметила Мария, не устояв перед желанием досадить этому человеку, чтобы и ему стало так же плохо, как ей. — Почти месяц, — добавила она с осуждением. — Максим просто с ума сходил без вас.

— Вы думаете, я не знаю? — резко ответил он. — Упорное молчание Максима на другом конце, когда я звонил ему по телефону, просто убивало меня!

— А вы не могли приехать раньше? — спросила Мария, стараясь скрыть раздражение в голосе. — Неужели у вас были столь важные дела?

— На оба ваших вопроса я отвечу утвердительно, — холодно отозвался Соколов, глядя на нее снизу вверх. — Видите ли, последние несколько недель я работал до полного изнеможения. Только при этом условии я мог навести порядок в делах, только так мог обеспечить будущее Максима. Вы напрасно смотрите с таким благочестивым выражением на лице, как бы намекая, что я поступил плохо. Родители Максима погибли почти шесть месяцев тому назад, и на это время я почти все отбросил, чтобы только быть с ним. Но дела сами не делаются. Я должен покидать его время от времени! — Соколов с раздражением пригладил свои густые черные волосы и одним глотком осушил бокал. Было видно, что он очень устал. Под глазами его лежали тени, отросла щетина. — Поэтому, Мария Сергеевна, если вы собираетесь стоять здесь и критиковать меня, я вынужден просить вас выйти из комнаты, потому что в настоящий момент я слишком устал для того, чтобы спорить!

Мария сердито повернулась, чтобы уйти, но раскаяние за то, что она натворила за последние часы, заставило ее остановиться у двери.

— Послушайте, если… если вам надо отдохнуть, я могла бы побыть здесь несколько часов, — сказала девушка, повернувшись к нему. — Разумеется, если вы сами хотите посидеть около Максима… — Мария смущенно пожала плечами, увидев, что глаза Андрея пристально рассматривают ее всю. На ней был надет теплый шерстяной халат, застегнутый на все пуговицы, но он своим пристальным взглядом заставил ее почувствовать себя полностью обнаженной…

К ее удивлению, он согласился, встал с кресла и взял пиджак:

— Хорошо! Если бы вы смогли побыть здесь, пока я приму душ…

Мария кивнула головой.

— Послушайте, все, что я вам здесь наговорила… Я не хотела…

— Все в порядке — забудьте об этом! — повел он плечами. — Я тоже, черт возьми, чувствовал себя виноватым все время, пока мальчик был один. Вы затронули очень больную тему, вот в чем дело!

Не прошло и получаса, как он вернулся в комнату и выглядел… выглядел потрясающе. Я не смогу выдержать всего этого, подумала Мария, отводя от него взгляд. Это немыслимо! Скудный свет ночника не мог скрыть того, что под купальным халатом на Андрее Соколове больше ничего не было. При одном лишь взгляде на молодого мужчину, появившегося в дверях, в голове Марии вспыхнуло яркое воспоминание о его широкой, мускулистой груди, покрытой темными курчавыми волосами… Ей нетрудно было представить и все остальное…

— Ну как, с ним все в порядке?

— Все нормально, — выдохнула она, резко поднявшись с кресла и направляясь к двери, когда он приблизился к ней.

— Я собирался спросить, не побудете ли вы здесь еще немного, пока я приготовлю кофе?

Мария остановилась, потом обернулась:

— Да, конечно же!

Через некоторое время Андрей принес на подносе кофе и сандвичи. Мария все это время сидела, уставившись в пространство. Она настолько глубоко была погружена в свои мысли, что почти не слышала, как он вошел.

Заслуживал ли Андрей Соколов какого-либо теплого отношения? В конце концов, смерть его сестры и зятя, ответственность за судьбу Максима… Жалость стала овладевать ею. Нет! Она покачала головой. К любому другому человеку она испытывала бы душевное сочувствие, но к Андрею Соколову? Это был холодный, твердый, как гранит, человек, способный позаботиться о себе.

— Все готово!

Мария резко вздрогнула, услышав так близко от себя голос Андрея.

— Надеюсь, что вы не будете реагировать таким образом всегда, когда я подхожу к вам на расстояние вытянутой руки, — бросил Андрей, ставя поднос на низенький столик.

Мария нервно облизнула губы, тщетно стараясь выразить недоумение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.